

Александр Валентинович Амфитеатров

Тать в ноци

Александр Валентинович Амфитеатров

Тать в ноци

Аннотация

«Сельцо Мартыновщину, Овечью Топь тож, совсем замела и схоронила под сугробами двухсуточная метель. Она свирепствует в морозном просторе новогодней ночи, переполняя угрюмую муть между небом и землею порывистыми перелетами снежных вихрей...»

Александр Амфитеатров

Тать в нощи

(Давний случай)

Сельцо Мартыновщину, Овечью Топь тож, совсем замела и схоронила под сугробами двухсуточная метель. Она свиристует в морозном просторе новогодней ночи, переполняя угрюмую муть между небом и землею порывистыми перелетами снежных вихрей.

Облака снежной, колючей, точно толченное стекло, пыли мечутся в неутомимой суетне, то взвиваясь, то приседая, то худея, то тучнея, то крутящимся столбом, то прямо напролом прущею невесть куда и откуда тучей.

Овечьетопский помещик Антип Егорович Савросеев провел, по милости метели, взаперти целых три дня и успел за это время заскучать до унылого бешенства, какое, по-настоящему, во всю свою сласть, только захолустным людям и знакомо. На Рождестве он уговорился кое с кем из соседей, чтобы Новый год встречать у него в усадьбе. Метель эти праздничные планы разрушила, и теперь Савросеев, почти с ужасом предвкушая возможность провести в одиночестве новогоднюю ночь – да еще такую жуткую, мутную, с визгом и ревом непогоды! – не без волнения ожидает, не едут ли к нему хоть ближайšie закадычные друзья – помещик Аристов из

ближнего села Алешки и тамошний же батюшка о. Викторин.

И Аристов, и о. Викторин такие же одинокие бобыли, как Савросеев: один – старый холостяк, другой – бездетный вдовец. Все трое – люди с достатком, не обремененные занятиями, неглупые, веселые, не дураки выпить и перекинуться в картишки.

Савросеев, назло своим пятидесяти годам, брюшку и лысине, еще и немалый Дон-Жуан. Мужики уже не раз сулили барину за последнее его качество хорошую встрепку, но он неисправим. При старых крепостных порядках Савросеев непременно завел бы сераль у себя в доме... теперь он под башмаком у своей экономки Фаины.

– Не приедут... как Бог свят, не приедут, – бормочет Антип Егорович, расхаживая по просторным покоям своего жилья, прислушиваясь к вою бури и ежеминутно поглядывая на часы. – Вона: уж девятый... Прохор! Про-о-хор!

Но Прохор не отзывался. Барин уже замучил его, посылая на крыльцо смотреть, какова погода, не перестало ли мести. Савросеев, – нечего делать! – натягивает на плечи обиходный волчий тулуп и, ворча, сам выходит на крыльцо.

Ночь и плачет, и рычит, и поет, и смеется, и лешим воет, и колокольчиком заливается...

«Эка чертов шабаш», – подумал Савросеев, плюнул и пошел в комнаты, с досадой ворча под усы:

– Нечего и ждать... в такой сумбур никто не поедет... Во

те и с Новым годом, с новым счастьем!

* * *

А гости все-таки ехали. Как ни протестовал о. Викторин, человек солидный и рассудительный, против путешествия в метель, как ни молил аристовский кучер Феофил своего барина помилосердствовать, старый кутила настоял на своем и даже прицелил к компании еще заезжего в Алешки акцизного. О. Викторин, едва влез в кибитку, сейчас же зарылся в сено и, согретый тяжелой меховой рясой, крепко заснул; акцизный и Аристов, сидя за кожаным фартуком, курили, изредка перекидываясь короткими фразами. Вой вьюги, звон бубенцов, уханье кибитки на раскатах и последовательные нырки ее из сугроба в сугроб скоро надоели обоим.

– От Алешек до Мартыновщины, – сказал акцизный, – по хорошей путине меньше часа езды; мы выехали в шесть, а вот уже восемь без пяти, но еще, кажется, не близко... Феофил! где мы? – спросил он, открывая фартук. Кучер повернул к барину голову, повязанную сверх шапки платком, и прокричал что-то.

– А? У Никитских кустов, ты говоришь?

– Надо полагать, что у них самых...

– Надо полагать! – недовольно заворчал акцизный, – ты, братец, наверное знай, без «надо полагать». Этак – с вашими авоськой и небоськой – пропадешь здесь... в метель долго

ли потерять дорогу?

– Тпру... – раздалось с козел.

– Что там, Феофил?

– Наворотило, вашескородие!..

Конские морды уперлись в громадный снежный бугор, Феофил слез с козел и, кряхтя, стал щупать кнутом дорогу.

– В объезд, что ли, Феофил? – спросил Аристов. Кучер долго молчал. Потом влез на козлы и взял вожжи.

– Слева объедем, – сказал он.

Кони тронулись шагом. Кибитку сильно потрянуло, кузов застонал и глубоко опустился в снег.

– Куда ты заехал, мошенник? куда? – закричал Аристов.

– А почему я знаю? – равнодушно возразил Феофил.

– А! каков? «Почем знаю?!» какой же ты, бестия, кучер после этого.

– Кучер! нешто кучеру с попущеньем естества равняться возможно? Говорил: не надо ехать, пути нет, – так не послушали, а я чем виноват? я человек подневольный!..

– Поговори, поговори у меня! завтра же расчет получишь!

– Вся ваша воля!..

– До завтра-то нас еще, может быть, и на свете не будет, – проворчал акцизный.

– Типун бы вам на язык! каркает же человек Бог знает что, да еще в такую минуту! – сердито прикрикнул Аристов и стал будить о. Викторина – Батя, а батя! полно вам, вставайте!

– А? что? приехали?.. – забормотал священник.

– Приехали! как же! в сугробе сидим... да проснитесь же вы!

О. Викторин поднял голову, осмотрелся.

– Ну, а я-то что же тут поделаю? – развел руками он, фаталистически глядя в серую даль, пожал плечами, крепче завернулся в рясу и опять лег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.